

УДК 81'373

DOI 10.24412/3005-849X-2025-4-172-182

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ
РОДСТВА В ЯЗЫКАХ РАЗНОГО
ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ**

**АЗ ТАЪРИХИ ОМӮЗИШИ
ИСТИЛОҲОТИ ХЕШУТАБОРӢ ДАР
ЗАБОНҲОИ ГУНОГУНСОХТОР**

**FROM THE HISTORY OF THE
STUDY OF KINSHIP TERMS IN
LANGUAGES OF DIFFERENT
GRAMMATICAL STRUCTURES**

**Эгамназаров Ҳамза Ҳакназарович, канд. филол.
наук, доцент, зав. кафедрой иностранных
языков ТГУЛБП (Худжанд, Таджикистан)**

**Эгамназаров Ҳамза Ҳақназарович, н.и.ф.,
дотсент, мудири кафедраи забонҳои
хориҷии ДДҲБСТ (Хуҷанд, Тоҷикистон)**

**Egannazarov Hamza Haknazarovich,
candidate in Philology, associate professor,
head of the department of foreign languages
attached under the TSULBP (Khujand,
Tajikistan) e-mail: hamzajon_19@mail.ru**

Рассматриваются происхождение, развитие и современное состояние терминологии родства как одной из важнейших лексических групп, отражающих социальные и культурные связи в человеческом обществе. Анализ сосредоточен на сравнении системы терминов родства в различных тюркских и индоевропейских языках, которые имеют общие и отличительные особенности с точки зрения культурной, исторической и лингвистической структуры. Но, несмотря на различия в культурно-историческом контексте и языковой структуре, в этих системах прослеживаются общие черты, обусловленные внутренними закономерностями языкового развития и межкультурными контактами. Представлены результаты лингвистических, этнографических и исторических исследований: труды Л. Г. Моргана и других учёных. Отмечается недостаточная изученность терминологии родства в таджикском языке и его южных диалектах, что открывает перспективы для дальнейших комплексных и междисциплинарных исследований. Анализ проводится с учётом историко-культурных особенностей, диалектной вариативности и влияния письменных памятников, например «Девон лугат ат-турк» Махмуда Кашиги. Итогом исследования является систематизация терминологических групп и выявление типологических закономерностей, что способствует более глубокому пониманию функционирования и трансформации системы родственных отношений в различных языках.

Ключевые слова: термины родства, лингвистика, тюркские языки, индоевропейские языки, семантическая вариативность, языковые контакты, историко-типологический анализ, «Девон лугат ат-турк» Махмуда Кашиги, грамматические структуры

Пайдоиш, рушд ва ҳолати қунунии истилоҳоти хешутаборӣ ҳамчун яке аз муҳимтарин ғурӯҳҳои лексикӣ, ки робитаҳои иҷтимоӣ ва фарҳангиро инъикос мекунанд, баррасӣ шудааст. Муқоисаи низомҳои истилоҳоти хешутаборӣ дар забонҳои гуногуни туркӣ ва ҳиндӯаврупӣ, ки аз лиҳози соҳтори фарҳангӣ, таъриҳӣ ва забонӣ умумият ва тафриқа доранд, дар маркази таҳлил қарор гирифтааст. Бо вуҷуди тафриқа дар боғтори фарҳангигу таъриҳӣ ва соҳтори забонӣ дар ин низомҳо аломатҳои умумие ба мушоҳидат мерасанд, ки сабабгори онҳо қонуниятиҳои доҳилии инқишифи забон ва робитаҳои байнифарҳангӣ мебошанд. Натиҷаҳои таҳқиқоти забонӣ, этнографӣ ва таъриҳӣ, аз ҷумла асарҳои Л.Г. Морган ва дигар олимон ироа гардидаанд. Зикр мегардад, ки истилоҳоти хешутаборӣ дар забони тоҷикӣ ва лаҳҷаҳои ҷанубии он ба қадри бояду шояд омӯхта нашудааст, ки имконияти фароҳи тадқиқоти минбаъдаи маҷмуӣ ва байнифаниро

фароҳам меорад. Таҳлил бо назардоши хусусиятҳои таърихӣ ва фарҳангӣ, гунанокии лаҷҷавӣ ва таъсири манбаъҳои ҳаттӣ, аз ҷумла «Девон лугот ат-турк»-и Маҳмуди Кошгари сурат гирифтааст. Дар натиҷаҳои таҳқиқ низомбандии ғурӯҳҳои истилоҳӣ пешкаш ва қонуниятҳои типологӣ муайян карда шудаанд, ки ба фаҳмиши нисбатан амиқи амалкард ва дигаргунишавии низоми муносабатҳои хешутаборӣ дар забонҳои муҳталиф мусоидат мекунанд.

Калидвожсаҳо: истилоҳоти хешутаборӣ, забоншиносӣ, забонҳои туркӣ, забонҳои ҳиндуаврупой, гуногуннокии семантиқӣ, робитаҳои забонӣ, таҳлили таърихӣ-типологӣ, «Девон лугот-ат-турк»-и Маҳмуди Кошгари, соҳторҳои грамматикиӣ

The article examines the origin, development and current state of kinship terminology as one of the most important lexical groups reflecting social and cultural ties in human society. The analysis focuses on the comparison of the system of kinship terms in various Turkic and Indo-European languages, which have common and distinctive features in terms of cultural, historical and linguistic structure. However, despite the differences in cultural and historical context and linguistic structure, these systems share common features, determined by internal patterns of linguistic development and intercultural contacts. The results of linguistic, ethnographic and historical research are presented: the works of L. G. Morgan and other scientists. It is noted that the terminology of kinship in the Tajik language and its southern dialects is insufficiently studied, which opens up prospects for further comprehensive and interdisciplinary research. The analysis is carried out taking into account historical and cultural characteristics, dialectal variation and the influence of written monuments, for example, “Devon lugat at-turk” by Mahmud Kashgari. The result of the study is the systematization of terminological groups and the identification of typological patterns, which contributes to a deeper understanding of the functioning and transformation of the system of kinship relations in various languages.

Key-words: *kinship terms, linguistics, Turkic languages, Indo-European languages, semantic variability, language contacts, historical-typological analysis, “Dewon Lughāt al-Turk” by Mahmud al-Kashgari, grammatical structures*

Термины и понятия, отражающие родственные связи, возникли на начальных этапах становления человеческого общества — в период первобытности, когда формировались базовые принципы социальной структуры. Термины родства возникли в период, когда частная собственность ещё не была оформлена, а основу общественной организации составлял общинный уклад; они выполняли функцию упорядочивания и выражения родственных связей в социуме. В связи с изменениями в экономической, культурной и социальной сферах общества, содержание этих понятий претерпевало эволюцию, отражая трансформацию родственных отношений на различных этапах исторического развития. Современное мировое языкознание включает широкий спектр нерешённых проблем, значительная часть которых остаётся открытой для дальнейших исследований.

Одним из перспективных направлений исследований выступает изучение терминологии родства и лексических средств выражения родственной близости в различных языках. Особый исследовательский интерес представляют тюркские и индоевропейские языки, в которых системы родственных обозначений формировались под воздействием и внутренних закономерностей развития и внешних культурно-языковых контактов. Так, в таджикском, узбекском и английском языках, несмотря на их принадлежность к разным языковым семьям — индоевропейской и тюркской, — прослеживаются определённое сходство, параллели и даже элементы тождества в системе терминов родства и в выражении межличностной близости. При этом, несмотря на географическую и культурную близость

таджикского и узбекского языков по сравнению с английским, каждый из этих языков обладает самостоятельной языковой системой, обладающей собственной лексикой, структурными особенностями и уникальным историко-культурным наследием. Но, несмотря на выявленные общие черты, на данный момент отсутствуют серьёзные комплексные сопоставительные исследования, рассматривающие данную проблематику. Это открывает широкие перспективы для дальнейших научных исследований в области сравнительного языкознания, семантики и этнолингвистики.

Термины родства представляют собой одну из древнейших и наиболее устойчивых лексических групп основного словарного запаса любого языка. Как правило, они сформировались на ранних этапах языкового развития и отражают фундаментальные социальные отношения внутри человеческого сообщества. Благодаря высокой частотности употребления, эмоциональной значимости и глубокой культурной укоренённости, эти слова сохраняются в языке на протяжении тысячелетий, несмотря на внешние влияния и лексические заимствования.

История изучения системы терминов родства насчитывает почти столетие и представлена значительным числом отечественных и зарубежных исследований. Терминам родства придаётся особое значение в исследованиях, проводимых в области лингвистики, антропологии, этнографии и социолингвистики, а также в многочисленных монографиях, представляющих различные подходы и методологии анализа слов, касающихся родственных отношений.

По мнению учёных, первые исследователи, занимавшиеся научным анализом систем родства и применяющие описательные формы и методы анализа родственных отношений, первоначально не делили эти термины на два уровня, как это принято в современной науке, и не противопоставляли этнографический и лингвистический подход. В ранних исследованиях таких разграничений ещё не существовало. Одним из основоположников этнографического изучения родственных отношений является Льюис Генри Морган, который изложил собственное мнение в ключевой работе «Системы родства и свойства», а впоследствии развил свои идеи в известной книге «Древнее общество» (1877), которая стала важной вехой в развитии гуманитарных наук. Именно Л.Г. Морган выступает как инициатор формулировки задачи по изучению систем родства согласно строгому научному подходу. Он выявил закономерности их исторической трансформации и предложил универсальную классификацию родственных терминов. Одним из важных достижений Льюиса Генри Моргана стало выявление структурного сходства между системой родства у ирокезов и аналогичной системой у дравидоязычных народов Южной Индии, несмотря на их значительную географическую дистанцию и принадлежность к разным языковым и культурным традициям. В разработанной им теоретической модели Морган выделил две основные категории систем родства: классификационные системы, которые объединяют родственников на основе их социальных функций и ролей (например, все братья отца обозначаются одним термином), и описательные системы, отражающие конкретные биологические или юридические связи между индивидами (например, термин «дядя» используется для обозначения брата отца). По мнению Моргана, классификационные системы родства представляют наиболее ранний этап их развития. Он выделил два типа: «малайский тип» — наиболее архаичный, распространённый у народов Океании и Африки; «турано-ганованский тип» — более развитую форму, характерную для значительной части этнических групп Азии и обеих Америк. В то же время, по классификации Моргана, описательные системы более характерны для народов семитского и индоевропейского происхождения. Таким образом, его работы заложили основу для последующих

сравнительно-исторических и типологических исследований системы родственных терминов в различных языках мира.

Британский учёный Л. Стоун в работе *Kinship and Gender: an Introduction* отмечает следующее о термине «родство»: родство — это признание отношений между людьми, основанных на происхождении или браке. Если отношения между одним человеком и другим рассматриваются ими как основанные на происхождении, то они являются кровными родственниками. Если же отношения установлены через брак, то это родство брачное (аффинальное) [10, с. 5].

Якоб Гримм отметил наличие в некоторых германских языках двух категорий терминов, обозначающих понятия “отец”, “мать”, и пытался дать объяснение этому явлению. Он пишет: “...по-видимому, те родственные народы ..., которые обладали некогда формой *vater*, *mutter*, *bruder*, *schwester*, нашли при своём вторжении в Европу другие термины, некоторые из них они заимствовали, другие, наоборот, проникли от них к их соседям”. В виде иллюстрации Я. Гримм приводит готское *atta* - “отец” и *aipei* - “мать” и редкие, по его словам, случаи употребления у верхненемецких племен слов *azo* и *eidi* [3, с. 97].

Д.А. Ольдерогге утверждал, что в системе родства основное значение придаётся прямым поколениям, тогда как боковые линии родства: двоюродные и троюродные братья и сёстры, тёти и дяди, а также более дальние поколения — играют второстепенную роль. Важнейшим критерием определения родственных связей был возраст, а не социальная функция. В этот период институты духовного родства, включая крёстное материнство, лишь начали формироваться и не оказывали существенного влияния на расширение понятия «семья», которая оставалась преимущественно кровным сообществом [6, с. 28].

Ф. Энгельс в известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» подчёркивает значение термина “родство” в традиционных семейных формах: “Отцы, сыновья, дочери, братья и сестры”, между которыми существуют торжественные и взаимные обязательства, причём совокупность этих обязательств составляет неотъемлемую часть социальной структуры соответствующих народов“ [13, с. 211].

Это свидетельствует о том, что система терминов родства в индоевропейских языках сохраняла значительную стабильность на протяжении длительного времени. Лингвистическое изучение терминов родства в этих языках началось относительно недавно — в середине прошлого века, и первые результаты показали, что многие элементы системы остаются консервативными, отражая древние социальные структуры и отношения. Исследование таких терминов в языках разных семей, включая тюркские и индоевропейские, позволяет выявить и универсальные черты, и уникальные особенности, обусловленные языковыми и культурными контактами. Но, несмотря на значительный вклад классиков лингвистики и этнографии, например Л.Г. Моргана и других учёных, современное языкознание продолжает сталкиваться с рядом нерешённых вопросов, что делает изучение терминологии родства перспективным направлением для дальнейших сравнительных и междисциплинарных исследований. Важно продолжить комплексный анализ, объединяющий этнографический, лингвистический и социокультурный подходы, чтобы глубже понять эволюцию и функционирование родственных систем в разных языках мира.

В лексикографических, диалектологических и этнографических исследованиях пока недостаточно освещена терминология родства таджикского языка. Основные работы по изучению терминов родства проводились единичными этнографами и затрагивали лишь отдельные стороны семейной структуры и истории брачных отношений в таджикском обществе. Как следствие, отсутствует комплексное системное представление о системе родства в данном языковом и культурном сообществе.

В дальнейшем двуязычные словари, к примеру «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [11, с. 951, 12, с. 947], включали термины родства, что свидетельствует о возросшем внимании к этой лексической группе. Вместе с тем терминология родства, характерная для южных диалектов таджикского языка, остаётся недостаточно изученной и слабо отражённой в лексикографических источниках.

Термины родства широко встречаются вialectологических исследованиях таджикских учёных. В частности, А.З. Розенфельд в статье «Материалы по языку и этнографии припамирских таджиков» отмечает, что большинство терминов родства в этом регионе не имеет общего происхождения с таджикским литературным языком и его dialectами. При этом некоторые термины заимствованы из других языков, например: *ака (старший брат)*, *ана (старшая сестра)*, *тага (дядя - брат матери)*, *яна (сестра мужа)*, *қайсанғыл (сестра жены - свояченица)*, *янга (жена брата)* [8, с. 22]. А.З. Розенфельд отмечает: «Лексика Бадахшана практически не отличается от общей лексики таджикского языка, а её грамматические и фонетические особенности не позволяют выделить эти говоры в самостоятельную группу среди юго-восточных dialectов таджикского языка» [9, с. 211]. Она делает вывод, что лексические различия в каждом говоре не образуют устойчивых или характерных слов и в целом не позволяют выделить чёткие особенности, присущие исключительно этому говору.

Изучение терминов родства в таджикском языке получило освещение в работе А.К. Писарчик «О некоторых терминах родства таджиков», где автор проводит лингвистический анализ системы родственных наименований. В центре внимания исследователя находятся структура и семантика родственных терминов, используемых в таджикском языке. Отмечается: «...при сравнительном исследовании собранного материала выясняется, что в качестве официальных терминов для наименования основных категорий родства, т.е. в качестве терминов упоминания, употребляемых в разговоре с официальными представителями администрации, с малознакомыми людьми и т.д., повсюду фигурируют слова таджикского литературного языка, такие как **падар//отец**, **модар//мать**, **бародар//брать**, **хоҳар//сестра**, **писар//сын**, **духтар//дочь**» [7, с.177].

Анализ терминологической системы родства в языках с разной структурой или в группе языков мира осложняется значительной региональной вариативностью. Как отмечается в исследовании, особенно в dialectах термины обращения часто не являются универсальными: одни и те же категории родства могут обозначаться разными словами в зависимости от местности, что существенно затрудняет установление единых типологических закономерностей [7, с. 177–178].

Как справедливо отмечает автор, в исторической перспективе система обозначения родственных связей у предков современных таджиков отличалась более высокой степенью обобщённости. Такая структура терминологии представляла собой упрощённую модель по сравнению с более дифференцированной системой, наблюдаемой, например, у припамирских таджиков [8, с. 182].

На основе анализа материалов таджикского и английского языков исследователи выделили структурную классификацию терминов родства, разделив их на три основные категории: простые, сложные и составные. Такой подход позволяет выявить типологические особенности формирования родственных наименований в двух языках.

1. Простые термины кровного родства включают однословные наименования, обозначающие близких кровных родственников без дополнительных морфологических элементов. К данной группе относятся следующие лексемы таджикского языка: **дада//father** (отец), **амак//uncle** (*one of the brother's of father* (дядя по отцу)), **тағо// uncle** (*one of the*

brother's of mother (дядя со стороны матери), **хола//aunt** (тётя), **писар//son** (сын), **духтар//daughter** (дочь), **хоҳар//sister** (сестра), **бародар//brother** (брать), **модар//mother** (мать), **ана//elder sister** (старшая сестра) и т.д.

2. **Сложные термины кровного родства** представляют собой образования, состоящие из двух морфологических компонентов, объединённых в одно слово. Эти термины, как правило, обозначают более удалённые степени родства или уточняют родственную линию (по отцу или по матери). К этой группе относятся следующие единицы таджикского языка: **хоҳарзода (двоюродный брат (сестра), писартаго, писархола (двоюродный брат со стороны матери), писарамма (двоюродный брат по отцу)** и т.д.

3. Составные термины кровного родства представляют собой словосочетания, в которых родственные отношения выражаются с помощью нескольких лексических единиц. Такие конструкции, как правило, уточняют степень и линию родства через сочетание имени родственника старшего поколения с указанием потомка. Они особенно характерны для диалектной и региональной лексики, например для я gnобского языка. К этой группе относятся: **холаки жута [xâlaki žuta]**(двоюродный брат со стороны матери), **холаки гайк [xâlaki ӯayk]** (двоюродная сестра со стороны матери), **аммаи жута [ammai žuta]** (двоюродный брат по отцу), **аммаи гайк [ammai ӯayk]** (двоюродная сестра по отцу) и т.д.

Известно, что лексический уровень языка зачастую претерпевает изменения быстрее, чем фонетика и морфология, и при этом не всегда адекватно отражает исторические процессы определённых эпох. В этом контексте термины кровного родства характеризуются высокой изменчивостью: они подвержены значительным трансформациям формы и значения, вследствие чего утрачиваются их древние архаичные черты и традиционная устойчивость. Так, например, Г. Айдаров отмечает, что лишь незначительная часть терминов кровного родства, зафиксированных в орхено-енисейских (энасойских) надписях, сохранилась в современных тюркских языках, что свидетельствует о значительных лексических изменениях в области родственной терминологии [1, с. 136]. Однако, по нашим наблюдениям, многие термины кровного родства, зафиксированные в орхено-енисейских (энасойских) письменных памятниках: **ата, ада, ана, аба, ача, огуль, кыз, ака, синил, ини, эр, катун, йигит, карындаши** — продолжают активно использоваться в современных тюркских языках, включая узбекский язык и его диалекты. Но при этом эти слова подверглись различным фонетическим изменениям, адаптируясь к особенностям современного звучания.

В узбекском языке термины кровного родства обладают глубокой исторической традицией: многие из них сохранили формы, зафиксированные ещё в древних письменных памятниках, и продолжают служить важным источником для изучения исторической лексики, диалектных и специальных терминов родства в узбекском языкоznании. Однако данные термины до настоящего времени не стали предметом целенаправленного и системного лингвистического исследования.

Отмечается, что около четырёх пятых всех терминов кровного родства, зафиксированных в сочинении Махмуда Кашгари «Диван лугат-ат турк» (<Диван Лугхат аль-Турк>, Dīwān Lughāt al-Turk, «Диван лугат ат-турк»), созданном более тысячи лет назад, сохранились в узбекском языке и его различных диалектах без значительных лексических и семантических изменений. Именно в этом труде впервые в истории тюркологии были подробно разъяснены понятия терминологии, выражающей родственные отношения между людьми [1, с. 9-380]. Без преувеличения можно сказать, что материалы «Диван лугат-ат турк» стали фундаментом для последующих исследований и теоретических размышлений о терминах кровного родства в тюркских языках.

В монографии Т.З. Мирсаатова «Сорок диалектов узбекского языка» уделяется внимание особенностям диалектной лексики, в том числе терминологии родства [5, с. 127-128]. Значения родственных терминов, употребляемых в паркентском диалекте, частично рассматриваются в работе Ш. Афзалова [2, с.175-176].

При группировке слов узбекского языка по периоду их появления учитываются два ключевых аспекта: время возникновения слова в языке и период его активного употребления. Слова, которые являются лексической нормой для одного этапа развития языка, могут утрачивать статус нормы на другом этапе, что ведёт к их устареванию, фиксации как архаизмов и, в конечном счёте, к полному исчезновению из активного словаря. Хронологическая классификация позволяет выявить в словарном составе языка как устойчивые лексические пласти, так и новообразования.

Основная задача группировки терминов родства по времени их возникновения — выявление древнейших форм и исторических вариантов данных терминов, а также определение источников их формирования и становления, что способствует более глубокому пониманию эволюции родственной лексики в современном узбекском языке.

Термины родства обладают древней историей происхождения и возникли как языковые единицы, отражающие начальный этап формирования родоплеменных и родовых связей у народов мира, предшествующий развитию семейно-родственных отношений. Для всестороннего изучения исторического развития кровнородственных терминов целесообразно провести их классификацию по периодам возникновения. В соответствии с этим, термины родства можно разделить на следующие группы:

1. Исторические термины — термины родства, которые широко использовались в таджикском, узбекском и английском языках на протяжении конкретного исторического периода, но в настоящее время вышли из активного употребления и считаются устаревшими или архаичными.

2. Древние термины — термины родства, которые существуют с древнейших времён и продолжают активно использоваться в современном таджикском, узбекском и английском языках, являясь их фундаментальной лексической основой.

3. Новые термины — термины родства, которые возникли в ходе формирования современных синхронических норм языка и отражают актуальные лексические процессы в таджикском, узбекском и английском языках. Исторические термины, зафиксированные в определённые периоды функционирования таджикского, узбекского и английского языков, несмотря на их снижение в активном употреблении, продолжают оказывать влияние на современную лексику и отражают важные этапы развития языковой системы. Их выявление и анализ возможны через изучение исторических источников, что способствует пониманию процессов эволюции родственной терминологии.

Анализ материалов, собранных и обработанных лингвистами на основе научных наблюдений за терминологией кровного родства в индоевропейских и тюркских языках, позволил получить важные сведения о происхождении и историческом развитии соответствующих терминов, используемых в таджикском, узбекском и английском, а также в других индоевропейских и тюркских языках.

Некоторые термины кровного родства в тюркских языках были заимствованы из других языковых семей — в частности из индоевропейских, монгольских, дравидийских и африканских языков. В процессе заимствования эти лексические единицы подверглись фонетической и морфологической адаптации, приобрели звучание и формы, характерные для структурных особенностей тюркских языков. Вместе с тем в составе тюркских языков

сохранились и исключительно тюркские термины родства, отражающие древнейшие формы социально-родовой организации.

С течением времени как заимствованные, так и исконные термины родства претерпели определённые фонетические и семантические изменения, в результате чего они органично интегрировались в лексическую систему тюркских языков, в частности — узбекского языка.

В настоящее время часть древних и заимствованных терминов родства полностью исчезла из активного употребления, другие стали основой для образования новых лексических единиц, а трети сохранились в относительно неизменной форме (за исключением фонетических трансформаций) и продолжают использоваться в современном узбекском языке как активные элементы лексической системы. К числу терминов, полностью вышедших из употребления, можно отнести следующие: *йотаз-хотин*//жена, *аёл*//женщина, *йурч-қайин*//деверь, *хотиннинг кичик укаси*//младший брат мужа, *йегин-жиян*//племянник, *набира*//внук, *внучка*, *кудаз-аёл*//жена свата, *урагут-аёл*, *хотин*//женщина//супруга, *ава-она*//мать-тётя, *ойаба-қайнингил*//сестра мужа, *көкү/көкяй-хола*//тётя, *тунур-куда*//сват, *аштал ўгул* (кенжса ўгил)//младший сын, *эгат* (никоҳ кечаси келин ёнида хизмат қилувчи хотин) //женщина, обслуживающая невесту в первую брачную ночь; помощница невесты во время свадебного обряда, *чоново-амаки*//дядя, *тога*//дядя, *авачча-ини*//младший брат тёти, *жиян*//племянник, *племянница* и др.

В словаре «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари зафиксирован ряд терминов кровного родства и связанных с ними социальных ролей, многие из которых сегодня утратили активное употребление или приобрели иное значение. Среди них встречаются следующие формы: *kic/kici* – хотин//женщина [4, с. 318]; *натија* – божса [4, с. 417]; *iri* – ака, старший брат; также: *эрнинг катта акаси* – старший брат мужа [4, с. 114]; *baldir o'g'ul* – ўгай ўгил//пасынок [4, с. 425]; *ishlap* – хотинлар//женщины [4, с. 140]; *gänch* – бола//ребёнок [4, с. 351]; *bachal* – акавачча//младший брат [4, с. 373]; *egatlik* – келин//невестка [4, с. 164]; *äkä* – опа//старшая сестра [4, с. 116]; *ächi* – кекса хотин//пожилая женщина [4, с. 114]; *ävlük* – хотин//женщина [4, с. 252]; *juri* – хотиннинг ўгил ўкаси//младший брат жены [4, с. 13].

Упомянутые термины кровного родства полностью вышли из активного употребления и не используются в современном узбекском языке. Однако подобные архаичные лексемы широко представлены в языке произведений Алишера Навои, а также в образцах узбекской классической литературы. Среди них встречаются термины: *абушиқал*//эр//муж; *чол*//старик, пожилой мужчина; *эрлан* – эрлар//мардлар//мужчины, воины; *ароис* – келинлар//невестки, женщины; *ахфод* – неваралар//потомки; *бин*, *бинни* – ўгил, ўгли//сын; *валад* – бола//ребёнок; *завжса* – хотин//жена; *завжи* – эр//муж; *инос* – аёллар//женщины; *хотинлар* – множественное от «хотин»//женщины; *хол-тога* – родственные наименования (в зависимости от контекста – дядя по матери и др.). Эти термины зафиксированы, в частности, в собрании произведений Алишера Навои (1972), а также в произведениях узбекской классической литературы, изданных в кратком изложении (1972), что свидетельствует об их активном употреблении в литературном языке указанного времени.

Древние термины родства в тюркских языках можно охарактеризовать как общетюркские лексические единицы, поскольку они составляют важный пласт лексического фонда и играют значительную роль в обогащении словарного состава каждого из тюркских языков. Разумеется, степень сохранности этих терминов варьируется в зависимости от конкретного языка и его историко-лингвистического развития. Как отмечает Г. Айдаров, около 90 % слов, зафиксированных в орхоно-енисейских (орхон-энасойских)

надписях, несмотря на отдельные фонетические изменения, продолжают существовать в большинстве современных тюркских языков [1, с.136]. Действительно, древние термины родства, зафиксированные в памятниках древнетюркской письменности: *ата, ада//отец, анна//мать, аба//сестра, ача//бабушка, огул (ogul)//сын, қиз (kiz)//дочь, ака//старший брат, синил//сижил//сестра, ини//младший брат, ер//муж, келин//невестка, қариндаши (qarindash)//родственник* до сих пор активно используются в узбекском языке и его диалектах, а также в других тюркских языках, подтверждая преемственность лексики и устойчивость базовой терминологии родства в тюркской языковой семье.

Кроме того, около четырёх пятых всех терминов родства, зафиксированных в знаменитом труде Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк», написанном почти тысячу лет назад, сохранились в современном узбекском языке и его диалектах практически без лексических и семантических изменений. Это свидетельствует о высокой степени устойчивости базовой лексики родственных отношений в тюркской языковой традиции. Среди таких терминов можно отметить: *балдыв – хотиннинг синглиси//(сестра жены), эр – эр киши//(мужчина), энә//она//(мать), өгај//үгай, қіз//қиз//(дочь), өгај огул, өгај ата//үгай үгил, үгай ота//(пасынок, отчим), өгај қиз – үгай қиз//(подчерица), йангага//янга//(жена старшего брата), іні – ини, ука//(младший брат), дәдә – дада, ота//(отец), йазна – катта қиз қардошнинг эри//(муж старшей сестры), кэлін – келин//(невестка, молодая жена)* [4, с. 426, 119, 144, 390, 239, 113, 114, 315, 256, 213; 12, с. 384]. Исключение составляют отдельные лексемы: *евлук, ганч, кис*, которые либо вышли из активного употребления, либо изменили прежнюю семантику.

Обратившись к фундаментальным лексикографическим источникам — словарям В. В. Радлова, Э. В. Севортияна и Л. З. Будагова, мы убедились в обоснованности представлений о том, что термины родства действительно использовались в тюркских языках, включая узбекский, с глубокой древности и служили важным средством выражения родственно-семейных отношений. Анализ этих источников позволяет утверждать, что лексическое значение и фонетическая форма большинства таких терминов в целом сохраняются неизменными вплоть до современности, хотя в ряде случаев наблюдается расширение их семантического диапазона. Например, термин *овага // обага* изначально употреблялся в значении «**ядя**» и до сих пор сохраняется в этом значении в диалектах наманганского типа. Термин *ача*, зафиксированный в значениях «**мать**», «**старшая сестра**» и «**бабушка**», в современном узбекском языке преимущественно употребляется в наманганском и ферганском диалектах в значении «**она** (**старшая сестра**) и «**бий**» (**бабушка**). Кроме того, в результате сопоставительного анализа мы установили, что ряд терминов стал основой для образования производных наименований родства. Так, например, термин *почча* (**муж сестры**) по происхождению восходит к архаичным формам *эзна* и *джезда*, широко распространённым в исторических и диалектных формах узбекского языка.

Согласно мнению ряда отечественных исследователей, в древности слово «**ба**» имело значение «**старший**» или «**великий**», тогда как слово «**ача**» означало «**брата**». В результате сочетание «**ба ача**» использовалось в обращении к *старшему брату*, чтобы отличить его от других родственных фигур, например, от мужа сестры. Со временем данное словосочетание подверглось фонетическим изменениям и переоформлению: «**ба ача**», «**бачча**», «**пачча**», «**почча**». Таким образом, современный узбекский термин «**почча** (**муж старшей сестры**)» восходит к более древним формам и представляет собой пример лексического и фонетического развития, обусловленного потребностью в разграничении родственных ролей в социальной структуре тюркского общества.

От слова «*невеста*» в узбекском языке образованы термины «*келинойи*» (означает *младшую невестку*), «*келинчак*», «*келинбиби*», «*кинчаби*» — в некоторых диалектах они употребляются со значением *младший родственник по линии невестки*. Термин «*дядя-зять*» (то есть муж сестры) образовался путём присоединения к древнетюркскому слову «ама» (в значении «отец») термина «ака» (старший брат). Для различия брата отца и самого отца использовались сочетания «*ама ака*», которые со временем трансформировались в «*амака*», затем в «*амак*» и «*амаки*». В современном узбекском языке слово сохраняет такую же последовательность произношения: «*ама ака*», «*амака*», «*амаки*». Кроме того, от слов «*каин*» и «*куда*» (относящихся к родству через брак) появились новые термины, обозначающие разные родственные отношения: *кайнота, кайнона, кайнингил, кайнога, кайнопа, куда хола, куда бува, кудагай* и другие.

Под новыми терминами мы понимаем термины кровного родства, которые были созданы в узбекском языке в период, когда он, в отличие от других тюркских языков, сформировался как самостоятельный язык и продолжает развиваться до настоящего времени. Иными словами, эти термины являются исконно узбекскими словами, которые отличаются от заимствованных. Как уже отмечалось, древние термины послужили основой для формирования терминов кровного родства. Термины, появившиеся в период самостоятельного развития узбекского языка, создавались на базе древних корней и характеризуются специфической семантикой и структурной уникальностью. К таким новым терминам относятся: *ичкийов, хола, вакил ота, катта ота, катта она (оий), оппогойи, холомойи, келинойи, опача, аммавачча, амакивачча, тогавачча, холавачча, оппог дада, агани* и другие.

Историческое развитие и современное состояние исследований терминов родства в языках с различным грамматическим строем отличается особым вниманием к тюркским (узбекскому, таджикскому) и индоевропейским (английскому) языкам. Выявлено, что термины родства отражают сложные социально-культурные процессы, связанные с эволюцией человеческого общества, и характеризуются высокой степенью устойчивости, а также динамикой семантических изменений под влиянием языковых контактов и исторической трансформации. Проведён сравнительный анализ, который позволяет обнаружить общие тенденции и уникальные особенности формирования и функционирования родственных терминов в различных языках. Особое значение придается материалам классиков этнолингвистики и современному междисциплинарному подходу, объединяющему лингвистику, этнографию и социологию, что способствует более глубокому пониманию механизмов формирования и трансформации лексики родства. В статье подчёркивается необходимость дальнейших комплексных исследований, направленных на системное изучение родственных терминов, особенно в малоисследованных языках, таких как таджикский, с учётом региональной вариативности и влияния заимствований.

Исследование терминологии кровного родства в узбекском языке подтверждает долгую традицию сохранения древних лексических форм, а также выявляет процесс их адаптации и интеграции в современную языковую систему. Классификация терминов на исторические, древние и новые позволяет проследить эволюцию родственных понятий и их роль в отражении социальной структуры тюркских народов.

Таким образом, работа расширяет знания о лексико-семантических особенностях терминологии родства и открывает перспективы для дальнейших сравнительно-типологических и историко-лингвистических исследований в области этнолингвистики и культурологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века / Г. Айдаров. - Алма-Ата. 1971. – 380 с.

2. Афзалов Ш. Узбек тилининг Паркент шеваси // Материалы по узбекской диалектологии. Том I. Словарь произведений Навои. – Ташкент, 1953. – С.175–176.
3. Марр Н.Я. Значение и роль изучения нацименьшинства в краеведении // В кн. «Краеведение». – Москва, 1927. Т. IV, вып. I. – С. 8–169
4. Кошгари М. Девон Лугат-ут Турк / М. Кошгари. – Ташкент, 1960. – 499 с.
5. Мирсоатова Т.З. Сорок диалектов узбекского языка // Материалы по узбекской диалектологии. Том I / Т.З. Мирсоатова. - Ташкент. - С.127–128.
6. Ольдерогге Д.А. Малайская система родства / Д.А. Ольдерогге // Родовое общество. Материалы исследования. – Москва, 1951. – С. 28-66.
7. Писарчик А. К. О некоторых терминах родства таджиков / А. К. Писарчик // Сб. ст. по истории и филологии народов Средней Азии. Тр. Ин-та ист., археол. и этнографии АН ТаджССР. – Стalinабад, 1953. – С. 177-182.
8. Розенфельд А. З. Бадахшанские говоры таджикского языка / А. З. Розенфельд. – Ленинград, 1971. – 192 с.
9. Розенфельд А. З. Ванджские говоры таджикского языка / А. З. Розенфельд. – Ленинград, 1964. – 148 с.
10. Стоун Л. Родство и гендер: Введение / Л. Стоун. – Оксфорд: Westview Press, 1998. – С. 5.
11. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.1. – Москва: Сов. энцикл., 1969. – 951 с.
12. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – Москва: Сов. энцикл., 1969. – 947 с.
13. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л.Г. Моргана / Ф. Энгельс. – Москва, 1937. – 244 с.

REFERENCES:

1. Aydarov G. *The Language of the Orkhon Monuments of Ancient Turkic Writing of the VIII century*. - Alma-Ata. 1971. - 380 pp.
2. Afzalov Sh. *Uzbek Dialectology* // Materials on Uzbek dialectology, Volume I. Dictionary of Navoi's works. - Tashkent. 1953. - PP.175–176
3. Marr N.Ya. *The Significance and Role of Studying National Minorities in Local History* // In the book *Local History*. – Moscow, 1927. Vol. IV, issue I. – PP. 8–169
4. Kashgari, M. Devon Lugat-at Turk. – Tashkent, 1960. – 499 pp.
5. Mirsoatova T. Z. *Forty Dialects of the Uzbek Language*. // Materials on Uzbek Dialectology, Vol. I. – Tashkent. – PP. 127–128.
6. Olderogge D. A. “The Malay System of Kinship.” // *Tribal Society: Research Materials*. – Moscow, 1951. – PP. 28–66.
7. Pisarchik A. K. *On Some Kinship Terms of the Tajiks*. // Collection of Articles on the History and Philology of the Peoples of Central Asia. Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Tajik SSR. – Stalinabad, 1953. – PP. 177–182.
8. Rozenfeld A. Z. *The Badakhshan Dialects of the Tajik Language*. – Leningrad, 1971. – 192 pp.
9. Rozenfeld A. Z. *The Vanj Dialects of the Tajik Language*. – Leningrad, 1964. – 148 pp.
10. Stone L. *Kinship and Gender: Introduction*. Oxford: Westview Press. 1998. – PP.5.
11. *Tajik English Dictionary*. Vol. 1. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. – 951 pp.
12. *Tajik English Dictionary*. Vol. 2. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. – 947 pp.
13. Engels F. *The Origin of the Family, Private Property and the State: In Connection with the Researches of L. H. Morgan*. – Moscow, 1937. – 244 pp.